

Наш современник — Пушкин

СОЛОВЬИНЫЙ
ДОМ

ДОМ 6/20 по Суворовскому бульвару обыкновенный и удивительный. Обыкновенный — в рядах одинаково повторяющихся окон, без лепнины, без украшений, с ничем не отмеченными прорезами дверей. С вывесками «Парикмахерская», «Модельная обувь», «Стирка белья»... Удивительный — потому что соединил в себе множество имен, событий, судеб. И еще потому, что не тронутый капитальными переделками последних лет, сохранил живые следы тех имен и событий.

Белокаменные подвалы XVIII века; полукруглый выгиб внутреннего двора — каким отстроил свой дом генерал-кригс-комиссар Я. П. Шаховокой, начинавший службу еще при Петре I. Арка заложеного пролета на Калашный переулок, через которую приезжали в гости к герою Кагульского сражения генерал-аншефу П. Племянникову Румянцев-Задунайский и Суворов. Разворот анфилады второго этажа, помнящей другую владелицу — В. Голицыну, принимавшую в своем доме находившегося под следствием Державина. Разнобой квартир, совсем тесных и очень просторных, — память о Федоре Федоровиче Кокوشкине и его жильцах.

Не лишенный способностей и страстно влюбленный в сцену, актер-любитель Кокوشкин был счастлив оказаться в 1823 году директором московского казенного театра. К своему известному спектаклям и гостеприимством дому на месте нынешнего сквера около кинотеатра «Художественный», он поспешил прикупить еще один.

Соловьинный дом, как его называли москвичи, давал приют и знаменитостям, которых хозяин хотел видеть на московской сцене, и тем, кого он только готовил вступить на нее. Так они и остались в истории московского театра — кокошкинские годы, а вместе с ними вопрос: когда бывал в Соловьинном доме Пушкин? Два имени, два хорошо знакомых поэту человека сходились здесь, на уцелевшем острове старой Арбатской площади.

...По перетертому до легкой мохнатой дымки листу бегут знакомые строки: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет и младости моей мятежное течение...». Архив Алябьева; рука композитора. И на той же странице, рядом с началом музыкальной фразы, пометка — «для Лаврова».

Энциклопедии и справочники никогда не дарили вниманием имя одного из знаменитейших артистов пушкинской поры. В «Пушкине и его окружении» А. Черейского Лаврову досталось неполных семь строк.

Его настоящее имя было Николай Чиркин, день же рождения артиста Николая Лаврова совпал с большим праздником русского театра. В первых днях января 1825 года на месте сгоревшего в 1805-м открывался построенный по проекту Бове Большой Петровский театр. Программа торжеств была самой пышной. Ее начинал специально написанный М. Дмитриевым на музыку Алябьева, Верстовского и Шольца пролог «Торжество муз». Гения России играл Мочалов, Талию — Львова-Синецкая. В роли Аполлона на сцену выходил никому не известный Николай Лавров.

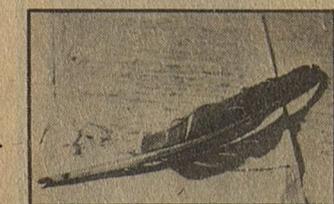
Когда Кокوشкин, неумоимо разыскивавший новые таланты, услышал голос молодого певчего в хоре Новоспасского монастыря, он тут же предложил Чиркину перейти в театр. Но тот был беден, дорожил своим местом помощника приказчика и попросту не представлял себе сцены. Он ответил отказом, однако через некоторое время сам разыскал Кокوشкина и остался жить в Соловьинном доме. Расчет Кокوشкина на необычайную одаренность ученика оказался верен. Через год, получив благозвучную сценическую фамилию Лаврова, он уже дебютировал в Большом театре. И едва ли не в этот же день родилась московская легенда о том, что якобы именно молодой красавец-актер послужил моделью для Аполлона на квадриге театра. Питомец Кокوشкина, известного своей любовью к высокому стилю классической трагедии, Лавров был близок Щепкину простотой, естественностью и выразительностью игры. Критика восхищалась его исполнением роли Просперо в «Буре» Шекспира. А сам Лавров особенно дорожил тем, что стал первым исполнителем роли Мельника в пушкинской «Русалке». Несмотря на молодость, он любил возрастные роли, а сцена безумия надолго запомнилась зрителям. Для поэта встреча с Лавровым была встречей со «своим» артистом. Николай Лавров не намного пережил Пушкина. Он умер тридцати пяти лет, во время спектакля. Алябьев почтил его память «Прощальной песней», а москвичи — прочувствованной надписью на могильной плите Ваганьковского кладбища...

Лаврову довелось жить во флигеле, но скромная квартира осталась ему дорога. Приобретая известность, а вместе с нею и материальную независимость, он не захотел расставаться с полюбившимся уголком города, переселившись всего лишь в соседний дом. Другое дело Мария Дмитриевна Львова-Синецкая, которая провела в Соловьинном доме большую часть жизни.

О ее театральной судьбе мог только мечтать молодой Гоголь. Она начала с любительских спектаклей и приобрела известность среди петербургских театралов. Мало кто из актеров мог похвастать тем, что играл в одной постановке с Пушкиным. Между тем Мария Дмитриевна была его партнершей в «Воздушных замках» Хмельницкого, которые ставились в доме Олениных еще до южной ссылки поэта.

Хотя ранние годы жизни Львова-Синецкой, даже ее происхождение остаются неизвестными, само ее пребывание в доме Олениных говорит о многом. Завсегдатаями здесь были М. Бестужев-Рюмин, Крылов, Жуковский, Гнедич, дружеские отношения с которыми Мария Дмитриевна позже поддерживала и в Москве. Путь на профессиональную сцену лежал для нее через провинцию, откуда в 1822 году актриса была приглашена Кокوشкиным в старую столицу. Тогда же она заняла большую квартиру в бельэтаже былого голицынского дворца.

Почти одновременно с салоном Зинаиды Волконской в Москве появился и салон Львова-Синецкой. В своей небогатой гостиной она собирала универ-

ситетскую профессуру, писателей, актеров, студентов.

Гостей привлекал не только талант артистки, но и ее позиция в искусстве. Она утверждала на сцене высокий строй чувств, бескомпромиссность в борьбе со злом, презрение к рабской морали. Может быть, иногда Львова-Синецкой не хватало темперамента, но в лучших своих ролях она выступала достойной партнершей Мочалова. В пушкинские годы она была для молодежи тем, чем стала к концу века Ермолова.

Не потому ли с такой охотой, по свидетельству современников, дает Пушкин в 1832 году согласие на инсценировку Львова-Синецкой поэмы «Цыганы», где Мария Дмитриевна играла Земфиру. Косвенные свидетельства позволяют утверждать, что поэт бывал в Москве у актрисы и, значит, бывал в Соловьинном доме.

Блистательная Мария Стюарт, Львова-Синецкая стала первой на московской сцене исполнительницей роли Софьи в «Горе от ума» — премьера состоялась 27 ноября 1831 года. Задачи новых образов представлялись необычайно сложными выжимкам к иной драматургии исполнителям. Готовивший роль Чацкого Мочалов жаловался Львова-Синецкой, что никогда подобных ролей не играл и не умеет их играть. Соглашаясь с партнером, Мария Дмитриевна, как кажется, и сама не находила верного решения образа Софьи. И вместе с тем, кто знает, не был ли ей больше чем кому-либо другому известен действительный замысел автора. Львова-Синецкая была знакома с Грибоедовым еще в Петербурге.

И еще — романтическая дружба актрисы с композитором Варламовым: они жили в соседних квартирах Соловьинного дома. Варламову доводилось работать на даче Львова-Синецкой в Марьино деревне. Ей посвятил он несколько своих романсов, и в том числе самый популярный — «Красный сарафан». «Красный сарафан» был написан на слова друга актрисы актера Н. Цыганова в 1833 году. А спустя три года Львова-Синецкая исполнила роль Анны Андреевны в московской постановке «Ревизора», где автор заставил Хлестакова насвистывать именно этот романс.

Львова-Синецкая прожила долгую жизнь. Незадолго до смерти она сетовала, что собиралась, да так и не собралась написать воспоминания: как в жизни разберешь, что с годами окажется главным и важным. Имена, события, обстоятельства — сколько их было! Как в истории старого дома на площади, заслужившего право войти в московскую пушкиниану.

Нина МОЛЕВА.